

Писать на тему революции (революций) 1917 года – и трудно, и легко. Легко, потому что Революция – «праздник, который всегда с тобой», потому что отношение к ней лежит в основе всякого размышления о судьбах России, да и мира в XX веке, потому что по ее поводу высказываются и усваиваются самые причудливые мнения – здесь нет ничего недозволенного. Трудно – потому что, только приступив к теме, сразу обнаруживаешь, что «дискурс» твой сносит в сферы глобальные, философские: детерминизм и случайность, объективные и субъективные факторы истории, наличие или отсутствие «особого русского пути» и т. д. – вплоть до соотношения свободы и справедливости. А разве можно все это обсуждать в скромных публицистических рамках?

Говоря о русской революции, нужно проскользнуть между Сциллой предопределенности и Харибдой разудалого произвола: мол, все, что хочешь, могло случиться. По-хорошему, тут нужно бы взвешивать вероятности, раскидывать веера вариантов, умозаключать от случившегося к возможному... Ну, и почему бы не попробовать?

Для повышения порядка изложения, стоит, пожалуй, задаться несколькими вопросами, относящимися к самой сути происходившего. А при поиске ответов я буду, по устоявшейся привычке, апеллировать не только к так называемым фактам и логике, но и к литературным свидетельствам.

Итак, вопрос первый: была ли революция неизбежной, случайной – или плодом чьего-то злого умысла?

Однозначного ответа на этот сакраментальный вопрос нет. Однако вполне ясно, что в 1917 году революция была одним из вполне вероятных исходов. При всем нашем нынешнем скептицизме и недоверии к «законам истории» – выученные нами когда-то формулы о «глубоком кризисе», о «жестоких внутренних противоречиях», о «революционной ситуации» вовсе не были пустыми словами. Невозможно отрицать: напряжения между самодержавно-бюрократическим режимом и обществом, точнее, разными его слоями и группами, были очень сильными. Они копились на протяжении полувека, и хотя к пресловутому «1913 году» конфликты, казалось, несколько смягчились, война разбередила старые раны и добавила новые.

Экономическое положение России на третьем году войны было заметно тяжелее, чем в Англии или Франции. Многие, правда, полагают, что оно было лучше чем у центральных держав – Германии и Австро-Венгрии<...>.

Предпосылки для свержения самодержавия были многообразны и весомы, но случился Февраль вполне спонтанно, непредсказуемо. Сильной и едино направленной политической воли к смене власти в стране не было. Оппозиция в Думе «лаяла», но практически не «кусалась», будучи изрядно раздробленной. Патриотические, антинемецкие настроения в обществе сохранялись, хоть и утратили свежесть и остроту первых недель войны.

Однако случилось то, что случилось. Уже с начала 1917 года резко выросло количество забастовок в Петрограде. Из-за сбоев при доставке хлеба в столицу начались массовые демонстрации, в которых участвовали поначалу преимущественно женщины. Одна из протестных манифестаций была расстреляна – что привело к взрыву народного возмущения, и в считанные дни режим был сметен.

События развивались лавинообразно. Но падение первых «камушков» выглядит достаточно случайным. Вполне можно предположить, что если бы не ряд совпадений – в феврале могло бы и пронести. А там – в войне уже намечался перелом, приближался